

ЧИНЫ ВЕЧЕРНИ И УТРЕНИ В ДРЕВНЕРУССКИХ СЛУЖЕБНИКАХ СТУДИЙСКОЙ ЭПОХИ

Священник Михаил Желтов

I. Введение

Литургическая традиция, повсеместно принятая в Православной Церкви в наши дни, представляет собой синтез древних богослужебных обычаев Иерусалима и Константинополя, сформировавшийся приблизительно в эпоху иконоборчества¹. В частности, порядок совершения служб суточного круга в этой традиции восходит — через посредство практики палестинских монастырей — к соборному богослужению иерусалимского храма Воскресения Христова. В древних палестинских источниках псалмы и песнопения суточных служб сопровождаются соответствующими священническими молитвами², но в позднейшей традиции эти молитвы не сохранились³.

¹ См.: *Пентковский А. М.* Константинопольский и Иерусалимский богослужебные уставы // ЖМП. 2001. № 4. С. 70–78.

² Эти молитвы известны по грузинским переводам древних святоградских и савваитских памятников (см.: *Frøyshov S.* L'Horologe «géorgien» du Sinaiticus ibericus 34: Édition, traduction et commentaire [неопубликованная докторская диссертация]. Р., 2003) и по греческому Евхологию VIII–IX вв. *Sinait. N.* МГ. 53 (исследован проф. С. Фрейсховым и автором настоящей статьи в рамках совместного научного проекта, поддержанного Норвежским Советом по науке [Norges Forskningsrådet, проект 2009 г. № 195811]). Таким образом, предположение М. Арранца, что древняя «савваитская служба... никогда не обладала собственным Евхологием» (*Арранц М.* Как молились Богу древние византийцы? — Суточный круг богослужения по древним спискам византийского Евхология [диссертация ЛДА]. Ленинград, 1979. С. 59), не подтвердилось.

³ Что, вероятно, следует объяснять тем, что святоградский Часослов распространился в Византии через посредство монашеской практики. Роль священнослужителей в организации повседневной молитвы палестинских монахов была существенно иной по сравнению с кафедральным богослужением Иерусалима, так что в монашеском прочтении святоградской традиции священнические молитвы могли выйти из употребления и перестать копироваться.

В древнем соборном богослужении Константинополя порядок суточных служб существенным образом отличался от палестинского; он известен под именем «песенного последования» (ᾠδατικὴ ἀκολουθία). Константинопольский Евхологий в его древнейших списках полностью соответствует этому порядку. С повсеместным переходом православного мира на палестинский Часослов «песенное последование» постепенно перестало совершаться даже в самом Константинополе, однако священнические молитвы, входившие в состав «песенных» служб, продолжились использоваться — но уже в рамках совсем другого богослужебного устава. В рукописях отражен процесс постепенного приспособления молитв константинопольского Евхология к палестинскому Часослову; это приспособление сводилось, в основном, к сокращению части молитв и распределению оставшихся по порядку той или иной службы⁴.

Анализ священнических молитв вечерни и утрени в греческих Евхологиях константинопольской традиции содержится в работах Мигеля Арранца и Грегора Ханке⁵. Настоящая статья представляет собой исследование корпуса этих молитв в древнерусских Служебниках эпохи господства на Руси Студийского устава (XI–XIV вв.), которые образуют важную, но недостаточно изученную группу свидетельств по истории развития богослужения византийской традиции.

II. Состав корпуса священнических молитв суточных служб в древнерусских Служебниках XIII–XIV вв.

Древнерусские литургические рукописи студийской эпохи представляют собой уникальный источник по истории православного богослужения. В Русской Церкви, как и в других негреческих Православных Церквях, богослужебные книги — это не оригинальные композиции (за некоторыми исключениями⁶), а достаточно буквальные переводы греческих оригиналов. Но ценность древнерусских литургических рукописей до XIV в. включительно — не только в том, что они документируют древнейший период развития русского богослужения, являются важным источником по истории церковнославянского языка и древнерусской книжности и т. д., но и в том, что в них отразилась некая особая литургическая традиция Византии, основанная на константинопольской, но имеющая ряд небольших отличий от нее, причем греческие оригиналы, соответствовавшие этой традиции, не выявлены (а возможно, утрачены

⁴ См.: Арранц. Как молились... С. 33 слл.

⁵ См.: Арранц. Как молились... [книга представляет собой сборник русских переводов серии статей автора, опубликованных в 1970-е гг. по-французски и посвященных священническим молитвам суточных служб византийского Евхология]; Hanke G. Das Kathedraloffizium der Hagia Sophia im Kontext der Liturgiegeschichte Konstantinopels [неизданная докторская диссертация]. R., 2002.

⁶ Ср., напр.: Мошкова Л. В., Турилов А. А. Древнейшая оригинальная славянская гимнография [часть статьи «Гимнография»] // ПЭ. 2006. Т. 11. С. 495–497.

навсегда). Наследием указанной традиции являются некоторые особенности древнерусских лекционных и гимнографических сборников, чинопоследований Божественных литургий и таинств⁷. Ниже мы увидим, что то же можно сказать и о некоторых специфических чертах круга суточных служб согласно древнерусским Служебникам студийской эпохи.

В славянской литургической книжности материал Евхология — византийского богослужебного сборника переменного состава, в наиболее полном варианте содержащего чины литургий, таинств, прочих священнодействий (и, в том числе, священнические молитвы служб суточного круга), — обычно разделен между двумя книгами: Служебником⁸ и Требником⁹. В частности, священнические молитвы вечерни и утрени обычно входят в состав Служебника, ключевым отличием которого является то, что он содержит чинопоследования Божественных литургий¹⁰ — или свт. Иоанна Златоуста, или свт. Василия Великого и Преждеосвященных Даров, или всех трех сразу.

Среди русских рукописей XIV века и старше лишь две — ГИМ. Син. 675 и 900 — включают в себя священнические молитвы вечерни и утрени, но не содержат при этом чинопоследования литургий, то есть являются Требниками. Однако эти две рукописи, одна из которых частично скопирована с другой¹¹, во-первых, датируются достаточно поздним временем

⁷ См.: *Пентковский А., Йовчева М.* Праздничные и воскресные блаженны в византийском и славянском богослужении VIII–XIII вв. // *Palaeobulgarica*. София, 2001. Т. 15 (3). С. 31–60; *Пентковский А. М., Пентковская Т. В.* Синайский Апостол (Sin. slav. 39): История текста и история рукописи // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2002–2003*. М., 2003. С. 121–171; *Пентковский А. М.* Славянское богослужение и славянская гимнография византийского обряда в X веке // *Liturgische Hymnen nach byzantinischer Ritus bei den Slaven in ältester Zeit / Hrsg. v. H. Rothe, D. Christians. Paderborn et al.*, 2005. S. 16–26; *Желтов М., диак.* Чин Божественной литургии в древнейших (XI–XIV вв.) славянских Служебниках // *БТ*. 2007. Сб. 41. С. 272–359. Можно осторожно предположить, что в славянских богослужебных книгах XI–XIV вв. сохранились следы литургической традиции Фессалоникийской архиепископии или же Диррахийской митрополии (поскольку, помимо прочего, оба эти диоцеза были расположены в греко-славянской контактной зоне).

⁸ Среди русских рукописей это наименование впервые появляется в Служебнике митрополита Киприана (ГИМ. Син. 601, кон. XIV в.), который содержит новые переводы основных чинопоследований, а также некоторые тексты, не засвидетельствованные в других русских рукописях старше XV в., и поэтому уже не может считаться свидетелем древнерусской традиции студийской эпохи. Остальные Служебники XIII–XIV вв. или имеют самоназвание «Молитвеникъ» (РНБ. О. п. I. 4, 1-я пол. — сер. XIV в.; NYPL. Slav. 1, 2-я пол. — 3-я четв. XIV в.; ГИМ. Воскр. 7, 1380 г.; РНБ. Соф. 522, XIV в.; РНБ. О. п. I. 5, XIV в.), соответствующее греческому *Εὐχολόγιον*, или не озаглавлены вовсе. В отдельных случаях функцию заглавия рукописи выполняет заголовок одного из чинів литургий: «Служба <такая-то>».

⁹ Вариант: «Потребник». Как и термин «Служебник» (см. предыдущее примечание), термин «Требник/Потребник» в наиболее древних рукописях не засвидетельствован.

¹⁰ Которые в древнерусской традиции надписывались как «службы» — отсюда и название «Служебник».

¹¹ См.: *Горский А. В., прот., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. Отдел третий: Книги богослужебные (часть первая). М., 1869. С. 128–153.

(конец XIV — начало XV в.); во-вторых, имеют весьма нетипичный состав и были созданы, вероятно, не для богослужебного употребления, а с библиотечными целями. Многие из содержащихся в них молитв в древнерусских книгах более нигде не встречаются — например, священнические молитвы малых часов¹² или комплекс особых заамвонных молитв¹³, — так что можно предположить, что создатели ГИМ. Син. 675 и 900 ставили перед собой задачу предоставить древнерусскому читателю — или, скорее, высшей иерархии Русской Церкви — полный перевод византийского Евхология, дополнив тексты, уже имевшиеся на церковнославянском, ранее не переводившимися.

Все остальные древнерусские рукописи старше XV в., содержащие священнические молитвы вечерни и утрени, являются Служебниками. Это следующие списки (в хронологическом порядке)¹⁴:

- РНБ. Соф. 518, рубеж XIII–XIV вв.
- РНБ. Q. п. I. 67, ок. 1316 г.
- ЯМЗ. 15472, 1328–1336 гг.
- РНБ. О. п. I. 4 + Walters Art Museum [далее: WAM]. W. 548, 1-я пол. XIV в.
- РНБ. О. п. I. 5, 1-я пол. — сер. XIV в.
- РНБ. Соф. 524, сер. (?) XIV в.
- РНБ. Соф. 523, 2-я пол. XIV в.
- ГИМ. Син. 892, 2-я пол. XIV в.
- РГБ. Рум. (ф. 256) 399, 2-я пол. XIV в.
- New York Public Library [далее: NYPL]. Slav. 1, 2-я пол. — 3-я четв. XIV в.
- ГИМ. Щук. 745, 2-я пол. XIV в.
- ГИМ. Воскр. 8, XIV в.
- РГБ. Рогож. (ф. 247) 566, XIV в.
- РНБ. Соф. 522, XIV в.
- РГБ. Рум. (ф. 256) 398, кон. (?) XIV в.

¹² Издание: *Арранц М.* Избранные сочинения по литургике. Т. III: Евхология Константинополя в начале XI века и Песненное последование по Требнику митрополита Киприана. М., 2003. С. 649–665. М. Арранц ошибочно называет рукопись ГИМ. Син. 675 «Требником митрополита Киприана» — вероятно, путая ее с ГИМ. Син. 601; впрочем, в сравнительно поздних русских рукописях корпус священнических молитв малых часов и иных иногда действительно приписывается митрополиту Киприану (ср., например: РГБ. МДА. Фунд. 183, XVI в. Л. 38), но на ошибочность этой атрибуции указывал еще И. Д. Мансветов (см.: *Мансветов И.* О песненном последовании (ἁσματικῆ ἀκολουθία): его древнейшая основа и общий строй // Прибавления к изданию творений святых отцев в русском переводе за 1880 г. М., 1880. Ч. 26. С. 752–1028, здесь: с. 771).

¹³ Издание: *Слуцкий А. С.* Заамвонные молитвы в рукописных славянских Служебниках // Византинороссика. СПб., 2005. Т. 3. С. 184–211, здесь с. 202–210.

¹⁴ Обоснования датировок и библиографические сведения об этих рукописях см. в статье: *Желтов.* Чин Божественной литургии... С. 281–284. По сравнению с аналогичным перечнем, содержащимся в работе Н. Н. Розова (*Розов Н. Н.* Русские Служебники и Требники // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 2. С. 314–339, здесь с. 338), наш дополнен и уточнен.

- ГИМ. Син. 598, кон. XIV в.
- ГИМ. Син. 601, кон. XIV в.
- РНБ. Q. п. I. 7, рубеж XIV–XV вв.
- РНБ. Соф. 526, 2-я пол. XIV — XV в.
- РГАДА. Син. тип. 41, XIV–XV вв.

В приведенный перечень не включен Служебник XIV в. РНБ. Соф. 525, где молитвы утрени переписаны уже рукой XV в.¹⁵

Все перечисленные рукописи содержат циклы священнических молитв как вечерни, так и утрени. Как правило, первые выписаны до вторых, но в ГИМ. Щук. 745 и Воскр. 8, РГБ. Рогож. 566 и Рум. 398, РНБ. Соф. 522 наблюдается обратный порядок: сначала приведены молитвы утрени и лишь затем — вечерни.

Помимо молитв вечерни и утрени, более чем в половине рукописей выписаны молитвы паннихис, еще одной из служб суточного круга, совершавшейся согласно ряду литургических традиций греческого Востока (включая соборную константинопольскую) в начале ночи. В ЯМЗ. 15472, РНБ. О. п. I. 5, Q. п. I. 7 и Соф. 524, ГИМ. Син. 892 и 601, РГБ. Рум. 398 и 399, РГАДА. Син. тип. 41 молитв паннихис нет, но это не обязательно означает, что актуальная литургическая практика тех церковных центров, для которых создавались эти рукописи, уже не знала соответствующих молитв. Характер утрат листов в РНБ. Соф. 524 и Q. п. I. 7 не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть изначальное наличие молитв паннихис в этих списках. Отсутствие молитв паннихис в ЯМЗ. 15472 и ГИМ. Син. 892 можно объяснить специфическим предназначением этих рукописей: они (первая — бесспорно, вторая — вероятно) предназначались для епископского богослужения¹⁶. Таким образом, среди Служебников, предназначенных для ординарного богослужения, лишь списки РНБ. О. п. I. 5, РГБ. Рум. 398 и 399, РГАДА. Син. тип. 41 достоверно не содержат молитв паннихис вместе с молитвами вечерни и утрени.

Для сравнения, в древнейших сохранившихся рукописях византийского Евхология приводятся молитвы бóльшего числа служб суточного круга — не только вечерни, утрени и паннихис, но и малых часов, — а в позднейших литургических книгах, вплоть до современных печатных изданий, священнические молитвы малых часов, паннихис и полунощницы не приводятся. Древнерусские Служебники студийской эпохи,

¹⁵ См.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии (XIV в.). М., 2002. Вып. 1. С. 579.

¹⁶ О ЯМЗ. 15472 как епископском Служебнике см.: Желтов. Чин Божественной литургии... С. 323–325. Наше предположение о том, что ГИМ. Син. 892 также предназначался для епископа, основывается на следующих наблюдениях: 1) первоначальный текст рукописи не включает в чин литургии молитву протесиса — а протесис мог совершаться без участия епископа; 2) молитвы вечерни и утрени здесь не сопровождаются никакими рубриками; 3) качество, с которым изготовлена рукопись, указывает на высокое положение заказчика.

регулярно содержащие молитвы паннихис, но никогда — малых часов¹⁷, не соответствуют ни тем, ни другим.

В рукописях РНБ. Соф. 518 и 526, а также РНБ. О. п. I. 4 + WAM. W. 548 молитвы паннихис выписаны между циклами молитв вечерни и утрени, что дает следующий порядок последований: **В**[ечерня]-**П**[аннихис]-**У**[тренья].

В рукописях ГИМ. Щук. 745 и Воскр. 8, РГБ. Рогож. 566 и РНБ. Соф. 522 молитвы паннихис¹⁸ выписаны также после молитв вечерни, но, как уже отмечалось, молитвы утрени в этих списках предваряют собой молитвы вечерни, так что порядок последований здесь таков: **У-В-П**¹⁹. Оба порядка — и **В-П-У**, и **У-В-П** — соответствуют структуре суточного круга богослужений как целого, поскольку паннихис — это служба, совершаемая после вечерни; первый порядок следует византийской традиции начинать круг суточных служб с вечерни²⁰, второй порядок отличается от первого лишь перестановкой молитв утрени в начало всего корпуса²¹.

В рукописях РНБ. Q. п. I. 67 и Соф. 523, а также ГИМ. Син. 598 порядок последований отличается от описанных выше тем, что паннихис поставлена после утрени: **В-У-П**, — то есть на несвойственное ей место. Некоторую параллель этому порядку можно найти в особом типе Часословов, известном на Руси в студийскую эпоху, к которому восходят и дониконовские Часовники²². В NYPL. Slav. 1 молитвы паннихис (л. 88–90 об.) и вовсе выписаны вне связи с молитвами вечерни и утрени (л. 35–50 об.). Кроме того, во всех четырех перечисленных рукописях, а также в ГИМ. Щук. 745 и РГБ. Рогож. 566, молитвы паннихис дополнены крат-

¹⁷ Как уже было отмечено выше, среди русских рукописей старше XV в. молитвы малых часов встречаются лишь в уникальных по составу Требниках ГИМ. Син. 675 и 900. В настоящее время научное издание этих списков готовит А. С. Филиппов, пишущий под нашим руководством магистерскую диссертацию в ПСТГУ.

¹⁸ В РГБ. Рум. 398, последней из рукописей, где утренняя предваряет вечернюю, после вечерни также выписаны молитвы — но не паннихис, а заупокойного последования (см. ниже).

¹⁹ В РНБ. Соф. 522 между вечерней и паннихис помещены уставные указания о вечерне и утрени, а также чин краткого молебна, так что общий порядок последований здесь таков: **У-В**-[краткие статьи, относящиеся к суточному циклу богослужения]-**П**.

²⁰ В греческих рукописных Евхологиях молитвы вечерни, как правило, выписаны первыми. Тому же порядку в основном следуют и Служебники пост-студийской эпохи, включая современные издания.

²¹ Обычай выписывать последования служб суточного круга начиная не с вечерни, а с полунощницы или с утрени также хорошо известен и в византийской, и в русской традициях. В частности, именно в таком порядке службы суточного круга приведены в современных изданиях Часослова. В древнерусских Часословах встречаются оба порядка (см.: *Слива Е. Э.* Часословы студийской традиции в славянских списках XIII–XV веков: Классификация по особенностям состава // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 1999. Т. 51. С. 91–106).

²² См.: *Слива.* Часословы студийской традиции... С. 100, 105; *Шугаев И., свящ.* Древнерусские богослужебные сборники XIV в.: Историко-литургический анализ [неизданная кандидатская диссертация]. Сергиев Посад, 1999. С. 47–54.

ким заупокойным последованием²³, состоящим из нескольких молитв и ектении об усопших (в ГИМ. Син. 598 приведена только заупокойная ектения)²⁴. Поэтому будет корректнее описать корпус священнических молитв суточных служб в РНБ. Q. п. I. 67 и Соф. 523, ГИМ. Син. 598 и NYPL. Slav. 1 так: **В-У — П-З**[аупокойное последование].

Как утрата службой панихис своего названия, так и ее выход из системы последовательного расположения суточных служб друг за другом, указывают, на наш взгляд, на то, что панихис перестала восприниматься как рядовая служба суточного круга и была переосмыслена как некий особый чин. Весьма вероятно, что ко времени создания тех рукописей, в которых панихис расположена после утрени (и/или дополнена заупокойным последованием) — т. е., с учетом датировки РНБ. Q. п. I. 67, уже к началу XIV в., — практика регулярного совершения панихис как службы начальной части ночи стала предаваться забвению на Руси, пока не исчезла окончательно, хотя память о ней в опосредованной форме все же сохранилась, что проявилось в использовании термина «панихида» для обозначения заупокойного последования. Итог этого развития к концу XIV в. можно наблюдать в РГБ. Рум. 398, где последование регулярной панихис отсутствует, а молитвы заупокойной «панихиды» (л. 181 об. — 185) и «за вся умершая» (л. 185–186 об.) образуют совершенно самостоятельную статью, будучи выписаны вне всякой связи с корпусом священнических молитв утрени и вечерни (л. 107–135).

С учетом всего сказанного, можно заключить, что корпус священнических молитв служб суточного круга, рассматриваемый как целое, в древнерусских Служебниках студийской эпохи претерпел следующую эволюцию:

1. *Единый корпус из молитв вечерни, панихис и утрени:*
В-П-У или **У-В-П**.
2. *Наметившееся разделение корпуса на два самостоятельных блока и появление заупокойного последования:*
В-У (или **У-В**) — **П-З**.
3. *Окончательное разделение корпуса и прекращение бытования молитв панихис:*
В-У (**П** исчезает; **З** теряет связь с корпусом).

Ниже в этой статье будут проанализированы состав комплексов священнических молитв вечерни и утрени в древнерусских Служебниках и предложена реконструкция уставных особенностей этих служб на основе сохранившихся в рукописях рубрик; молитвам панихис мы планируем посвятить отдельную публикацию.

²³ Каковое в указанных рукописях, собственно, и носит наименование «панихиды», в то время как молитвы панихис в этих списках надписаны как «[молитвы,] егда поют канон» (а в ГИМ. Шук. 745 они вовсе никак не озаглавлены и фактически объединены с молитвами вечерни в одну статью).

²⁴ Подробнее об этом заупокойном последовании см.: *Желтов Михаил, свящ.* Последование заупокойной панихиды в древнерусских Служебниках XIV века // Смертта и погребението в юдео-християнска литература. София, 2011. С. 219–229. (*Studia mediaevalia Slavica et Byzantina*; 1).

III. Молитвы вечерни

В современных типовых изданиях православных богослужебных книг — как славянских, так и греческих и прочих²⁵ — чин вечерни включает в себя девять священнических «светильничных»²⁶ молитв, из которых первые семь предписано читать (подряд, одну за другой) во время «предначинательного» 103-го псалма, открывающего чин вечерни, восьмую, «входа», — по окончании стихир на «Господи, воззвах» и перед пением «Свете тихий»²⁷, девятую — во время главопреклонения после просительной ектении вечерни. Этот набор молитв восходит к древнему константинопольскому Евхологию, где вечерня имела, однако, не девять, а шестнадцать молитв — т. е. почти вдвое больше, чем в современных печатных изданиях, — каждая из которых сопровождала тот или иной самостоятельный элемент последования «песенной» вечерни и не читалась заодно с другими молитвами²⁸.

Комплект священнических молитв вечерни в древнерусских Служебниках отличается от приводимого в современных типовых изданиях не очень значительно. Ниже мы будем пользоваться следующей системой условных обозначений: [B1]–[B7] (молитвы, соответствующие первым семи молитвам вечерни согласно современным печатным изданиям)²⁹,

²⁵ Исключение составляют старообрядческие и единоверческие переиздания книг дониконовской печати.

²⁶ От греч. τὰ λυχνικά, «светильники» — одно из наименований вечерни, время совершения которой соответствовало традиционному времени возжжения лампад.

²⁷ То есть в тот момент, когда на праздничной вечерне совершается торжественный вход священнослужителей в алтарь.

²⁸ Первые восемь молитв сопровождали исполнявшиеся в притворе предварительные антифоны вечерни — по одной молитве на каждый из них (при этом не вполне понятно, как поступали в том случае, когда антифонов было менее восьми). Во время последнего из антифонов происходил вход из притвора в храм, поэтому соответствующая этому антифону молитва была молитвой входа. Следующие шесть молитв сопровождали три центральных антифона вечерни, моление оглашенных и два моления верных. Завершали службу «молитва отпуста» и молитва главопреклонения (см.: *Арраниц*. Как молились... С. 47–48).

В свою очередь позднейшая практика чтения почти всех молитв подряд в самом начале службы возникла в ходе адаптации константинопольского соборного Евхология к богослужению, совершаемому по палестинскому Часослову. Порядок вечерни по этому Часослову имеет мало общего с песенной вечерней, и в нем просто не было позиций, для которых были изначально предназначены молитвы константинопольского Евхология.

²⁹ Эти молитвы, кроме [B7], соответствуют молитвам предварительных антифонов песенной вечерни; [B7] — это «молитва отпуста». Инициалы молитв (в рукописях они могут несколько варьироваться): ГѢЩЕДРЪ Н МЛТВЪ ДОЛГОТЕРПѢНВЪ · Н МНОГОМЛТВЪ (= [B1]); ГН НЕ НРОСТНЮ ТВОЮ ОБЛЧН НАСЪ (= [B2]); ГН БѢ НАШ ПОМАННЪ ГРЪШНИКЪ (= [B3]); БЛГОДАРНЫМЪ НМОЛУНЫМЪ ПЪНМН (= [B4]); ГН ГН ОДЕРЖАНЪ ВСА ПРЕЧТОЮ СЛОЮ СВОЮ (= [B5]); ГѢ БѢ ВЕЛННЪ Н ЧЮДЕНЪ · СТРОИАНЪ ЧЛВЦЪ ЖИВОТЪ (= [B6]); БѢ ВЕЛННЪ Н ВЪШННЪ · НМЪННЪ НДАНЪ БЕСМРТЬСТВО (= [B7]). Здесь и ниже инципиты всех молитв даются по рукописи РНБ. Соф. 523, как одной из наиболее полных.

[ВВ] и [ГВ] (молитвы входа и главопреклонения вечерни)³⁰. Необходимо сразу отметить, что эта система обозначений основана не на данных древнего константинопольского Евхология, что было бы вернее методологически, а на содержании современных печатных изданий Служебника³¹. Несовершенство этой системы видно уже из того, что указанными девятью молитвами чинопоследование вечерни древнерусских Служебников студийской эпохи не ограничивается. В наиболее полном виде оно включает в себя еще две молитвы — молитву пятого предварительного антифона константинопольской песенной вечерни³² и молитву прилежного моления (в позднейших изданиях Служебника она печатается только в составе чина литургии, но не вечерни), которые будут обозначаться как [ВV] и [ПМ] соответственно³³.

Состав комплекса священнических молитв вечерни в сохранившихся древнерусских Служебниках XIII–XIV вв. проявляет заметное разнообразие. Данные рукописей можно схематично представить следующим образом:

<i>РНБ. Соф. 518 и ГИМ. Воскр. 8:</i>	[В1], [В2], [В3], [ВВ], [ГВ], [В7]
<i>РГБ. Рум. 399:</i>	[В1], [В2], [В3], [ВВ], [В7], [В4], [ВV], [В5], [В6], [ГВ]
<i>РНБ. Соф. 522:</i>	[В1], [В2], [В3], [В4], [ВV], [В7], [ВВ], [ГВ]
<i>ЯМЗ. 15472; РГБ. Рум. 398; ГИМ. Син. 598; РНБ. О. п. I. 4 + WAM. W. 548:</i>	[В1], [В2], [В3], [В4], [ВV], [В5], [В6], [ВВ], [В7], [ГВ]
<i>РГБ. Рогож. 566:</i>	[В1], [В2], [В3], [В4], [ВV], [В5], [В6], [ВВ], [ГВ], [В7], [М]
<i>РНБ. Соф. 526:</i>	[В1], [В2], [В3], [В4], [ВV], [В6], [ВВ], [ПМ], [В7], [ГВ]
<i>РНБ. Q. п. I. 67, О. п. I. 5 и Соф. 523; ГИМ. Син. 892 и Шук. 745; NYPL. Slav. 1; РГАДА. Син. туп. 41:</i>	[В1], [В2], [В3], [В4], [ВV], [В5], [В6], [ВВ], [ПМ], [В7], [ГВ]

³⁰ Incipit'ы молитв: **Вечерьъ заутра полудни** (= [ВВ]); **Г҃н б҃е на приклоннѣи нѣѣа** (= [ГВ]).

³¹ Выбор именно таких условных обозначений объясняется исключительно удобством для современных читателей, которые знакомы прежде всего с современной богослужбной традицией Русской Церкви. Кроме того, похожую систему использовал в своих работах и М. Арранц.

³² В стандартный греческий печатный Евхологий и в послениконовский русский Служебник она не вошла, хотя в дониконовских и южнорусских и затем униатских изданиях она еще содержится; см.: Арранц. Как молились... С. 44–45.

³³ Incipit'ы молитв: **Бл҃гнѣ ꙗ҃сн г҃н б҃е вседержителю · свѣдѣи оумъ чл҃вцѣ** (= [ВV]); **Г҃н б҃е нашъ прилежнѣю снѣ млтвѣ · приими ѿ твонхъ рабѣ** (= [ПМ]).

Лакуны в рукописях РНБ. Q. п. I. 7 и РНБ. Соф. 524 (в первой чин вечерни обрывается на [ВВ], во второй сохранился лишь начиная с этой молитвы) не позволили нам включить их в приведенную таблицу.

Сопоставление данных древнерусских Служебников позволяет выделить в них три категории чинопоследования вечерни. Первая характеризуется наличием лишь трех начальных молитв ([В1]–[В3]) до [ВВ], а также тем, что [В7] служит заключительной молитвой вечерни. Вторая характеризуется наличием семи молитв ([В1]–[В6], включая [ВV]) до [ВВ] и перестановкой [В7] на позицию перед [ГВ]. Наконец, третья отличается от второй лишь присутствием [ПМ]. Это можно представить в виде следующей схемы:

<i>I категория:</i>	[В1] [В2] [В3]		[ВВ]			[ГВ]	[В7]
<i>II категория:</i>	[В1] [В2] [В3]	[В4] [ВV] [В5] [В6]	[ВВ]		[В7]	[ГВ]	
<i>III категория:</i>	[В1] [В2] [В3]	[В4] [ВV] [В5] [В6]	[ВВ]	[ПМ]	[В7]	[ГВ]	

В чистом виде чин вечерни I категории представлен в рукописях РНБ. Соф. 518 и ГИМ. Воскр. 8; II категории — в рукописях ЯМЗ. 15472, РГБ. Рум. 398, ГИМ. Син. 598 и РНБ. О. п. I. 4 + WAM. W. 548; III категории — в рукописях РНБ. Q. п. I. 67, О. п. I. 5 и Соф. 523, ГИМ. Син. 892 и Щук. 745, NYPL. Slav. 1, РГАДА. Син. тип. 41

Рукописи РГБ. Рум. 399 и РНБ. Соф. 522 занимают, на наш взгляд, промежуточное положение между категориями I и II. Это особенно очевидно в случае РГБ. Рум. 399, где сохранен порядок «3 молитвы + вход» (как в рукописях категории I), но при этом [В4]–[В6], известные нам по рукописям категорий II и III, интерполированы в чин вечерни в другом месте. Вероятно, писец РГБ. Рум. 399 пользовался протографом с чином вечерни категории I, но ему пришлось дополнить чин молитвами из другого источника. В свою очередь, в РНБ. Соф. 522 выписаны лишь пять молитв предварительных антифонов вечерни, а молитва [В7], уже смещенная со своего места, поставлена, однако, не перед [ГВ], а перед [ВВ]. Возможно, писец РНБ. Соф. 522 был лучше знаком с чином вечерни категории I и столкнулся с затруднениями при копировании вечерни категории II — или же РНБ. Соф. 522 отражает альтернативную попытку редакции чина вечерни, не получившую дальнейшего распространения.

Факт наличия в рукописях двух существенно разных по составу комплексов священнических молитв вечерни, а также явные следы неумелой правки в РГБ. Рум. 399 (и, возможно, РНБ. Соф. 522) указывают, по наше-

му мнению, на то, что на рубеже XIII–XIV вв., с учетом датировок РНБ. Соф. 518 и Q. п. I. 67, в древнерусской литургической практике произошли некоторые перемены. А именно, имел место переход — не обязательно повсеместный и вряд ли единовременный — от чина вечерни, характеризовавшегося структурой: «3 молитвы + вход; служба завершается молитвой [В7]», к чину вечерни, характеризующемуся структурой: «7 молитв + вход; служба завершается молитвой [ГВ]». Косвенным подтверждением того, что молитва [В7] действительно была в какой-то момент сознательно перемещена, являются противоречивые указания Службника NYPL. Slav. 1, где на месте [ГВ] после возгласов «Мир всем» и «Главы ваша Господеви преклоните», которые обычно предваряют эту молитву, стоит не [ГВ], а [В7]; при этом указанные возгласы вновь повторены ближе к концу службы, теперь уже перед [ГВ]. Также и в РНБ. Q. п. I. 67 на месте [ГВ] обнаруживается [В7], а [ГВ] помещена на несвойственную ей позицию после тропаря вечерни.

В то время как чин вечерни категории I отличается от чина вечерни категории II весьма существенно, между категориями II и III вся разница сводится к наличию/отсутствию [ПМ]. Появление этой молитвы в чине вечерни — или, напротив, исключение из него — нельзя понимать как указание на перемены в литургической практике, так как можно предположить, что и те рукописи, где чтение [ПМ] в чине вечерни не упомянуто, молчаливо предполагают ее наличие в чинопоследовании: во-первых, эта молитва все равно выписана в чине литургии; во-вторых, она непродолжительна, так что священнослужители обычно знают ее наизусть. Даже среди рукописей категории III в части списков молитва [ПМ] в чине вечерни выписана не полностью. С другой стороны, можно обратить внимание на то, что все рукописи, в которых, помимо вечерни, утрени и паннихис, имеется заупокойное последование, содержат чин вечерни категории III³⁴. Таким образом, возможна корреляция между включением [ПМ] в чин вечерни и прибавлением заупокойного последования к паннихис. Это подтверждает правильность выделения рукописей категории III в отдельную группу.

Систематизировав основную часть рукописей, можно обратиться к спискам с лакунами или уникальным составом чина вечерни. Вечерню Службника РНБ. Q. п. I. 7, сохранившуюся не с начала, следует отнести к категории III, поскольку здесь имеется [ПМ]. В рукописи РНБ. Соф. 526, также содержащей [ПМ], отсутствует [В5], что может указывать как на простой недосмотр переписчика — и тогда вечерню РНБ. Соф. 526 следует отнести к категории III, — так и на влияние категории I. Вечерня в РНБ. Соф. 524, судя по составу сохранившихся молитв, относится к категории II или III. Наконец, в РГБ. Рогож. 566 можно обнаружить

³⁴ Частичное исключение составляет рукопись ГИМ. Син. 598, где заупокойное последование как таковое отсутствует — но зато чин паннихис завершается здесь ектенией об усопших.

результат взаимовлияния чинов вечерни различных редакций³⁵: в этом списке — уже семь начальных молитв, но [В7], напротив, сохраняет свою позицию в конце вечерни; кроме того, в конце чина вечерни здесь выписана уникальная молитва, обозначенная нами как [М]³⁶, не встречающаяся в других списках и текстуально близкая к одной из двух молитв византийского чина перенесения мощей³⁷.

Таким образом, материал древнерусских Служебников указывает на три вероятных этапа бытования чина вечерни на Руси в эпоху господства Студийского устава. На первом этапе вечерня открывалась тремя священническими молитвами, еще две сопровождали вход и главопреклонение, а завершала вечерню молитва [В7], иначе называемая «молитвой отпуста». Такой набор молитв вечерни не соответствует данным древнейших константинопольских Евхологиев (см. примеч. 28), но его аналоги можно встретить в греческих рукописях, отражающих богослужебную практику византийской периферии, а также в грузинских переводах³⁸. Таким образом, на наиболее ранней стадии своего развития древнерусский формуляр вечерни соответствовал не чистой константинопольской практике, а некоей периферийной византийской традиции.

На втором этапе блок из трех начальных молитв вечерни был дополнен еще четырьмя, а молитва [В7] была перемещена на позицию до [ГВ]. По греческим рукописям Евхология аналогичная редакция чина вечерни известна с XII в. Как показал М. Арранц, она соответствует одному из этапов развития чина вечерни в Евхологии самого Константинополя, когда уже и в столице «песненное последование» стало уступать свое место чинам палестинского Часослова³⁹. Ее появление на Руси предположительно произошло в рамках состоявшегося на рубеже XIII–XIV вв. знакомства русской богослужебной традиции с литургическими нововведениями в греческом мире⁴⁰ через посредство южнославянской книжности. Чин вечерни при этом был дополнен, но не переведен заново — этим

³⁵ То же можно сказать, например, и о составе чина венчания в этом списке, см.: Желтов М. С. Чины обручения и венчания в древнейших славянских рукописях // *Palaeobulgarica*. София, 2010. № 1. С. 25–43.

³⁶ Полный текст молитвы: **Бѣ прѣкѣуны побѣдны врага нашѣ дѣла-
вола. добрымъ побѣднѣн твоимъ мѣнн. ты н ны гн нзбавн
ѿ всакны напастн вражы. н створнтн дан же ѿа волю твою.
въсхвалтн страдашѣа тобе радн. нхже мѣтвамн оулуунмъ
неонѣ жнтѣ. ш хъ исъ гдѣ нашѣ ж** (РГБ. Рогож. 566. Л. 59 об.). Мы при-
зательны М. А. Юдакову, сделавшему по нашей просьбе выписку из рукописи.

³⁷ См.: Желтов М., *диак*. Две византийские молитвы на перенесение св. мощей // БТ. 2005. Сб. 40. С. 122–127.

³⁸ См.: Арранц, Как молились... С. 52–53.

³⁹ Арранц, Как молились... С. 49–50.

⁴⁰ Ср.: Желтов. Чин Божественной литургии... С. 344–345; *он же*. Молитвы во время причащения священнослужителей в древнерусских Служебниках XIII–XIV в. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2009. № 35. Р. 75–92.

справа рубежа XIII–XIV вв., отраженная и в других чинах Служебника, существенно отличалась от перемен рубежа XIV–XV вв., когда старые переводы полностью заменялись новыми.

Наконец, на третьем этапе, который, вероятно, имел место вскоре после второго (или же происходил одновременно с ним, поскольку богослужебные практики различных церковных центров могли развиваться параллельно), в состав священнических молитв вечерни была включена [ПМ] — и одновременно к чину паннихис было прибавлено заупокойное последование.

Завершая раздел о молитвах вечерни, можно обратить внимание на следующий факт: все те рукописи, которые отражают самую раннюю, как мы попытались показать, древнерусскую редакцию чина вечерни (т. е. РНБ. Соф. 518 и ГИМ. Воскр. 8), содержат чин регулярной паннихис, примыкающий к вечерне, и не имеют в своем составе заупокойного последования. Такой состав корпуса молитв суточных служб как целого был определен нами в разделе II как наиболее архаичный, и это хорошо согласуется с нашими результатами анализа цикла молитв вечерни.

IV. Молитвы утрени

В современных печатных изданиях богослужебных книг содержится тринадцать священнических утренних молитв. Двенадцать из них должны быть прочитаны в начале утрени, во время шестопсалмия; последняя — во время главопреклонения в конце службы. В древнерусских Служебниках XIII–XIV чин утрени содержит, в общем, те же молитвы, за исключением девятой⁴¹, которая не встречается никогда (в ряде случаев отсутствуют и другие молитвы). Присвоим этим молитвам условные обозначения, опираясь на содержание современных печатных изданий: [У1]–[У8], [У10]–[У12] (= первые двенадцать молитв, за исключением современной девятой) и [ГУ] (= главопреклонная молитва утрени)⁴². Как и молитвы вечерни, в древней кафедральной традиции

⁴¹ Согласно нумерации современных печатных изданий; это та же молитва, которая читается и перед Евангелием на Божественной литургии.

⁴² Incipit'ы молитв (в рукописях они могут несколько варьироваться): Бл̄г̄одарнм̄ та̄ г̄н̄ б̄е̄ н̄а̄ · въздвн̄г̄шаго н̄ы ѿ̄ ложь нашн̄хъ (= [У1]); Отъ ношн̄ оутреню̄ють д̄х̄ъ мо̄н̄ к̄ тебе̄ б̄е̄ зане̄ свѣтъ повел̄нн̄я̄ по̄ земл̄н̄ (= [У2]); Отъ ношн̄ оутреню̄ють д̄х̄ъ мо̄н̄ к̄ тебе̄ б̄е̄ зане̄ свѣтъ повел̄нн̄я̄ твоѣго̄ (= [У3]); Бл̄ко̄ г̄н̄ б̄е̄ ст̄г̄н̄н̄ непостн̄м̄н̄ (= [У4]); Скровн̄ще бл̄г̄н̄ · истоун̄нка̄ прн̄снотек̄ущаго̄ (= [У5]); Бл̄г̄одарнм̄ та̄ г̄н̄ б̄е̄ сп̄нн̄я̄ нашего̄ (= [У6]); Б̄е̄ н̄ оц̄ѣ̄ г̄а̄ нашего̄ і̄а̄ х̄а̄ · въздвн̄гн̄вн̄ н̄ы въз̄ сн̄н̄ ѱ̄а̄ (= [У7]); Г̄н̄ б̄е̄ н̄а̄ ѿ̄рнн̄вн̄ ѿ̄ насъ л̄вностъ сон̄н̄ю̄ (= [У8]); Г̄н̄ б̄е̄ н̄а̄ · давн̄н̄ намъ̄ ул̄б̄комъ̄ · ѿ̄п̄ущенн̄е̄ пока̄н̄н̄емъ̄ (= [У10]); Б̄е̄ б̄е̄ нашъ̄ съставл̄нн̄ см̄ысл̄н̄н̄ сн̄л̄зы̄ · сво̄ю̄ волею̄ (= [У11]); Х̄валн̄мъ̄ по̄емъ̄ бл̄г̄ословн̄мъ̄ н̄ бл̄г̄тъ̄ възд̄а̄емъ̄ тобѣ̄ б̄е̄ оц̄ѣ̄ нашн̄хъ̄ (= [У12]); Г̄н̄ ст̄г̄н̄н̄ жн̄вн̄н̄ въз̄ въз̄шн̄н̄хъ̄ (= [ГУ]).

Константинополя все эти молитвы использовались в рамках «песенного последования»⁴³.

Состав молитв утрени в древнерусских Служебниках студийской эпохи можно представить в виде следующей таблицы:

<i>РНБ. Соф. 518:</i>	[Y1], [Y2], [Y3], [Y5], [Y8], [Y11], [Y12], [ГУ]
<i>ГИМ. Воскр. 8:</i>	[Y1], [Y2], [Y3], [Y4], [Y5], [Y7], [Y6], [Y11], [Y10], [Y12], [ГУ]
<i>РНБ. Соф. 526:</i>	[Y1], [Y2], [Y3], [Y4], [Y5], [Y6], [Y7], [Y8], [Y11], [Y10], [ГУ]
<i>РНБ. Q. n. I. 67</i>	[Y1], [Y2], [Y3], [Y4], [Y10], [Y5], [Y6], [Y8], [Y11], [Y12], [ГУ]
<i>РГБ. Рогож. 566:</i>	[Y1], [Y2], [Y3], [Y4], [Y10], [Y5], [Y6], [Y7], [Y8], [Y11], [Y12], [ГУ]
<i>ЯМЗ. 15472; РНБ. О. п. I. 5 и Соф. 523; ГИМ. Син. 892, 598 и Шук. 745; NYPL. Slav. 1; РГБ. Рум. 398; РГАДА. Син. тит. 41:</i>	[Y1], [Y2], [Y3], [Y4], [Y5], [Y6], [Y7], [Y8], [Y10], [Y11], [Y12], [ГУ]

В таблицу не включены рукописи РНБ. 522, 524, Q. п. I. 7 и О. п. I. 4 + WAM. W. 548, а также РГБ. Рум. 399 по причине наличия в них лакун⁴⁴. Помимо перечисленных молитв, в рукописях РНБ. Соф. 523, ГИМ. Шук. 745 и РГБ. Рум. 398 в чине утрени также упомянута [ПМ], но ни в одном из этих списков она не выписана полностью.

Из приведенной таблицы ясно видно, что 9 из 14 рукописей без лакун в чине утрени, то есть бóльшая часть списков, содержит один и тот же набор из двенадцати молитв: [Y1]–[Y8], [Y10]–[Y12], [ГУ]⁴⁵. Оставшиеся 5 Служебников характеризуются следующими отличиями от основной группы: 1) в РНБ. Соф. 518 общее число священнических молитв утрени существенно меньше, чем в других рукописях; 2) в ГИМ. Воскр. 8 и РНБ. Соф. 526 молитва [Y10] перемещена на позицию после [Y11], а общее число молитв — меньше на одну, чем в основной группе рукописей;

⁴³ В «песенном последовании» они сопровождали: начальные антифоны утрени ([Y1]–[Y8]), 50-й и хвалитные псалмы ([Y10]–[Y11]), завершение утрени ([ГУ] и [Y12]); помимо перечисленных, константинопольский Евхологий также содержал еще три молитвы песенной утрени — для моления оглашенных и двух молений верных.

⁴⁴ Сохранившиеся молитвы утрени в этих рукописях таковы: [Y7], [Y8], [Y10]–[Y12], [ГУ] (РНБ. Соф. 522); [Y12] и [ГУ] (РНБ. Соф. 524); [Y1] (РНБ. Q. п. I. 7); [Y1]–[Y5] (РНБ. О. п. I. 4 + WAM. W. 548); [Y1], [Y5]–[Y8], [Y10]–[Y12], [ГУ] (РГБ. Рум. 399). Судя по пагинации, в РГБ. Рум. 399 изначально должны были присутствовать также и молитвы [Y2]–[Y4].

⁴⁵ Ср.: *Аррани. Как молились...* С. 96–99, 104–114.

3) в РНБ. Q. п. I. 67 и РГБ. Рогож. 566 молитва [У10] также перемещена, но на позицию между [У4] и [У5]⁴⁶.

Сопоставляя эти данные с результатами нашего анализа состава молитв вечерни, проведенного выше, можно заметить, что все Служебники, содержащие наиболее часто встречающийся набор молитв утрени (т. е. [У1]–[У8], [У10]–[У12], [ГУ] — именно в таком порядке), в отношении чина вечерни принадлежат к III или II категории. В свою очередь, из 5 Служебников с особенностями в чине утрени первые три в отношении чина вечерни принадлежат или примыкают к I категории, четвертый список (РНБ. Q. п. I. 67) содержит чин вечерни III категории, а в пятом (РГБ. Рогож. 566) зафиксирован уникальный состав чина вечерни.

Исходя из сделанного нами выше вывода о том, что в древнерусской традиции чин вечерни категории I предшествовал чинам вечерни категорий II и III, а также из того факта, что в РНБ. Соф. 518, наиболее раннем списке из сохранившихся, отсутствует [У10], можно предположить, что древнейшая русская редакция чина утрени отражена именно в Служебнике РНБ. Соф. 518. Если это предположение верно, состав чина утрени в ГИМ. Воскр. 8 и РНБ. Соф. 526 следует рассматривать как переходные редакции, в которых древнейшая уже дополнена, но еще не приобрела свою окончательную (к XIV в.) форму из двенадцати молитв. Здесь необходимо обратить внимание на нетипичное положение молитвы [У10] после молитвы [У11] в ГИМ. Воскр. 8 и РНБ. Соф. 526, не соответствующее ни данным греческих Евхологиев, ни самому содержанию молитвы: [У10] — это молитва пятидесятого псалма, а [У11] — молитва хвалитных псалмов, но в последовании утрени, причем как в византийской монастырской практике, так и в «песненном последовании», пятидесятый псалом расположен ранее хвалитных. Необычность положения [У10] в ГИМ. Воскр. 8 и РНБ. Соф. 526 говорит, на наш взгляд, скорее о недавней интерполяции этой молитвы в уже существующий комплекс, чем о ее сознательном перемещении в рамках последования. Таким образом, среди выделенных выше шести Служебников с нерегулярностями в чине утрени первые четыре содержат раннюю или промежуточные редакции чина.

Остальные рукописи, исключая списки с лакунами, судить о которых затруднительно, уже содержат чин утрени в дополненной и стабильной редакции из двенадцати молитв. Сказанное относится и к РНБ. Q. п. I. 67 и РГБ. Рогож. 566 несмотря на то, что в них [У10] также перемещена — но не на позицию после [У11], а на позицию после [У4]. Положение [У10] между [У4] и [У5], в отличие от положения после [У11], полностью соответствует последованию студийской (и, шире, византийской монастырской) утрени, где между пятидесятым и хвалитными псалмами расположен пространный гимнографический канон, с которым и можно

⁴⁶ В РНБ. Q. п. I. 67, кроме того, отсутствует [У7].

пытаться соотнести молитвы [У5]–[У8]. Таким образом, чин утрени в РНБ. Q. п. I. 67 и РГБ. Рогож. 566 отражает не интерполяции при переходе от краткой редакции к дополненной, а попытку сознательного усовершенствования уже сложившейся редакции из двенадцати молитв, предпринятую уже после формирования последней. Наш вывод о сознательном перемещении [У10] в РНБ. Q. п. I. 67 и РГБ. Рогож. 566 подтверждается тем, что в РГБ. Q. п. I. 67 перед [У11] сохранилось заглавие [У10], хотя сама молитва выписана перед [У5].

Таким образом, древнейшая русская редакция чина утрени предполагала наличие сравнительно небольшого числа молитв (в РНБ. Соф. 518 — семь молитв и главопреклонная), но не позднее рубежа XIII–XIV вв. она начала пополняться другими молитвами, пока не приобрела следующую стабильную форму: [У1]–[У8], [У10]–[У12], [ГУ]. Стабилизация комплекса священнических молитв утрени имела место одновременно с формированием чина вечерни категорий II и III. Уже в рамках стабильного комплекса молитв утрени могли происходить небольшие изменения в форме дополнения чина рубриками (см. ниже) и перемещения [У10] на позицию, более соответствующую ей в чине студийской утрени.

Среди тех рукописей, которые содержат варианты чина утрени, предшествовавшие формированию поздней стабильной редакции, — Служебники РНБ. Соф. 518 и ГИМ. Воскр. 8. Эти же рукописи, как было показано выше, отражают и наиболее раннюю древнерусскую версию чина вечерни, и архаичный состав комплекса суточных служб в целом. Таким образом, результаты нашего анализа разных частей этого комплекса подтверждают друг друга.

V. Рубрики вечерни и утрени

Помимо молитв, чины вечерни и утрени древнерусских Служебников могут включать в себя те или иные рубрики, а также тексты диаконских ектений. Рубрики — не считая самых кратких заглавий молитв — полностью отсутствуют в чинах вечерни и утрени согласно следующим спискам: ЯМЗ. 15472, ГИМ. Син. 892, ГИМ. Воскр. 8 и РНБ. Соф. 522. При этом в РНБ. Соф. 522 отсутствие рубрик в комплексах молитв вечерни и утрени (л. 40 — 50 об.) компенсируется наличием целых уставов вечерни и утрени, выписанных отдельно (л. 50 об. — 60), а в ЯМЗ. 15472 и ГИМ. Син. 892 (и, возможно, ГИМ. Воскр. 8) рубрики опущены, вероятно, по причине особого предназначения этих Служебников — они являются не священническими, а епископскими (см. примеч. 16). Можно заключить, что наличие рубрик в тексте чинов вечерни и утрени для ординарных древнерусских Служебников было нормой.

Несмотря на наличие рубрик в большинстве рукописей, выделить из них некий «канонический» набор не представляется возможным, поскольку их количество и содержание достаточно сильно варьируются.

Однако указания Служебников ни в коем случае не противоречат друг другу: чины вечерни и утрени, реконструируемые на основании рубрик отдельных списков, неизменно следуют одной и той же схеме и если и различаются, то лишь в мелких деталях. Таким образом, отказавшись от выявления редакций среди различных наборов этих рубрик, все же можно попытаться восстановить и проанализировать *чинопоследования* вечерни и утрени согласно древнерусским Служебникам студийской эпохи.

V. 1. Чин вечерни

На основании рубрик древнерусских Служебников восстанавливается чин вечерни, имеющий следующий порядок:

- 1) начальные возглас и молитвословия вечерни⁴⁷,
- 2) предначинательный 103-й псалом⁴⁸, сопровождаемый чтением трех (чин вечерни категории I) или шести (чины вечерни категорий II и III) священнических молитв,
- 3) мирная ектения⁴⁹,
- 4) кафизма Псалтири⁵⁰ (вероятно, завершаемая малой ектенией),
- 5) псалмы «Господи, воззвах»⁵¹ (= Псс. 140, 141, 129, 116) со стихирами⁵²,
- 6) вечерний вход, предваряемый молитвой [ВВ] и сопровождаемый особым благословением священника⁵³ и возгласом диакона «Премудрость, прѣсти!»⁵⁴,
- 7) вечерний гимн «Свете тихий»⁵⁵,
- 8) вечерний прокимен⁵⁶, предваряемый священническим возгласом «Мир всем»⁵⁷ и диаконским — «Премудрость»⁵⁸,
- 9) сугубая ектения⁵⁹ и молитва [ПМ]⁶⁰,

⁴⁷ Выписаны только в РНБ. Соф. 522 (здесь и ниже ссылки на РНБ. Соф. 522 относятся к выписанным в рукописи самостоятельным уставам обеих служб, а не к собственно формулярам вечерни и утрени, которые в этом Служебнике не содержат рубрик).

⁴⁸ Предначинательный псалом эксплицитно упомянут только в РНБ. О. п. I. 4 + WAM. W. 548.

⁴⁹ Мирная ектения упомянута в РНБ. Соф. 518, 522 и 523; NYPL. Slav. 1; ГИМ. Син. 598.

⁵⁰ Кафизма и священнический возглас после нее упомянуты только в РНБ. Соф. 523.

⁵¹ Упомянуты в РНБ. Соф. 522 и 523; NYPL. Slav. 1; ГИМ. Щук. 745.

⁵² Упомянуты в РНБ. Соф. 522 и 523.

⁵³ Текст благословения указан в РНБ. Соф. 518, 522 и 524; ГИМ. Щук. 745; РГБ. Рум. 398.

⁵⁴ Выписан в РНБ. Соф. 523; ГИМ. Щук. 745; РГБ. Рум. 398.

⁵⁵ Упомянут в РНБ. Q. п. I. 67, Соф. 522, 523 и 524; NYPL. Slav. 1; ГИМ. Щук. 745; РГБ. Рум. 398.

⁵⁶ Упомянут во всех рукописях, за исключением NYPL. Slav. 1; РГБ. Рогож. 566; РГАДА. Син. тип. 41; а также тех, где рубрики вечерни отсутствуют полностью.

⁵⁷ Упомянут в NYPL. Slav. 1; РНБ. Соф. 518, 523 и 524, Q. п. I. 67 и О. п. I. 4 + WAM. W. 548.

⁵⁸ Упомянут в РНБ. Соф. 522, Q. п. I. 67, О. п. I. 5 и О. п. I. 4 + WAM. W. 548.

⁵⁹ Упомянута во всех рукописях, за исключением тех, где рубрики вечерни отсутствуют полностью.

⁶⁰ Только в рукописях с чином вечерни категории III.

- 10) молитвословие «Сподоби, Господи»⁶¹,
- 11) просительная ектения вечерни⁶²,
- 12) главопреклонная молитва [ГВ], предваряемая своими обычными возгласами,
- 13) стиховные стихирь⁶³,
- 14) песнь Симеона Богоприимца «Ныне отпущаеши»⁶⁴,
- 15) Трисвятое (сопровожаемое, очевидно, обычными молитвами: «Пресвятая Троице» и «Отче наш») и тропарь⁶⁵,
- 16) заключительная молитва вечерни, т. е. [В7] (только в рукописях с чином вечерни категории I; в прочих рукописях эта молитва переставлена на время исполнения «Сподоби, Господи» или просительной ектении вечерни),
- 17) «Премудрость» и заключительный возглас вечерни⁶⁶,
- 18) отпуст⁶⁷, или «молитва отпустная» (= древнее заглавие молитвы [В7]⁶⁸).

Легко видеть, что описанное чинопоследование представляет собой ничто иное, как великую вечерню со входом, совпадающую с праздничной вечерней согласно уставам студийской традиции и великой вечерней согласно Иерусалимскому уставу. Из того факта, что древнерусские Служебники описывают только чин праздничной вечерни со входом, не следует, что древнерусская практика не знала вседневной вечерни без входа. Даже и в современных православных изданиях священнические молитвы и диаконские ектении вечерни, как правило, приводятся только в расположении, соответствующем великой вечерне, поскольку предполагается, что при совершении вседневной вечерни священнослужители смогут самостоятельно найти и прочесть соответствующие тексты в нужном порядке. Очевидно, древнерусская практика была аналогичной.

Важно отметить, что для совершения вечерни согласно «песенному последованию» древнерусские Служебники непригодны. На это указывают сразу несколько обстоятельств. Во-первых, в Служебниках отсутствует целый ряд молитв, необходимых для богослужения по этому уставу

⁶¹ Упомянуто в РНБ. Соф. 522 и 523, Q. п. I. 67, O. п. I. 5 и O. п. I. 4 + WAM. W. 548; РГБ. Рум. 398 и 399; NYPL. Slav. I; РГАДА. Син. тип. 41.

⁶² Упомянута во всех рукописях, за исключением тех, где рубрики вечерни отсутствуют полностью, а также РНБ. Соф. 524, где листы с соответствующей частью чина вечерни утрачены.

⁶³ Названы стихирами «по прок[имне]» и упомянуты в РНБ. Соф. 518 и 522.

⁶⁴ Упомянута в РНБ. Соф. 518 и 523.

⁶⁵ Упомянуты в РНБ. Q. п. I. 67, Соф. 518, 522 и 523.

⁶⁶ Указаны в РНБ. Q. п. I. 67, Соф. 518 и 523; РГБ. Рум. 398 и 399.

⁶⁷ Так в РНБ. Соф. 523 и 522; ГИМ. Щук. 745.

⁶⁸ Это заглавие сохранилось в РНБ. Соф. 518, Q. п. I. 67; РГАДА. Син. тип. 41, хотя сама молитва [В7] во всех случаях выписана выше.

(см. примеч. 28)⁶⁹. Во-вторых, в Служебниках встречаются указания на такие элементы вечерни, которых в «песенном последовании» не было: стихиры, «Свете тихий», «Ныне отпускаеши». В-третьих, писцы рукописей очевидно не понимали те краткие указания формуляра вечерни, которые изначально относились к богослужению согласно «песенному последованию» и которые сохранились в заглавиях некоторых молитв вечерни (не нужно забывать, что в византийском Евхологии эти молитвы первоначально оформились в рамках «песенного последования»). Непонимание писцами смысла подобных заглавий — по сути, рубрик песенной вечерни — говорит о том, что с «песенным последованием» они знакомы не были. Наше последнее утверждение основывается на анализе заглавий молитв [В7], [ВВ] и [В1]. Остановимся на них подробнее.

Выше (примеч. 68) уже было отмечено, что первоначальное заглавие молитвы [В7] — εὐχὴ τῆς ἀπολύσεως, «молитва отпуста» — в древнерусских Служебниках отделилось от ее текста и начало жить самостоятельной жизнью, сначала образовав самостоятельную позицию в формуляре (так в наиболее древних сохранившихся рукописях, РНБ. Соф. 518 и РНБ. Q. п. I. 67, а также в РГАДА. Син. тип. 41), а затем, вероятно, трансформировавшись в указание: «Отпуст» (см. примеч. 67).

Заглавие молитвы [ВВ] в древнейших рукописях византийского Евхология — «молитва восьмая», или же молитва «на “Господи, возвах”». Такое название связано с тем, что изначально эта молитва сопровождала 8-й предварительный антифон песенной вечерни, во время которого происходил вход в храм; этот антифон был фиксированным и был составлен из стихов Пс. 140 («Господи, возвах») с припевами. В древнерусских Служебниках молитва [ВВ] уже не называется «восьмой»; ее обычное название — «выходная», или «въходу». Однако в рукописи ГИМ. Щук. 745 заглавие [ВВ] — **прѣжѣ г҃н възвахъ**. На наш взгляд, это указание является следом древнего заглавия молитвы, которое древнерусскому писцу уже не было понятным (поскольку на студийской вечерне вход происходит не во время псалма «Господи, возвах», как в «песенном последовании», а по окончании псалмов и стихир), поэтому он, сохранив древнее константинопольское заглавие молитвы [ВВ], привел и ее древнерусское заглавие: **мѡ възхода**, отнеся его уже к священническому благословию входа. В свою очередь, обозначение [ВВ] как **прѣ прѡ[и]м[на]** (РНБ. Q. п. I. 67) является, как можно предположить, попыткой исправить указание **прѣжѣ г҃н възвахъ**, показавшееся другому писцу ошибочным.

Наконец, молитва [В1], в большинстве Служебников просто названная «первой», в РНБ. Q. п. I. 67 надписана так: **антн ѿ** («первый антифон»). В «песенном последовании» каждая из начальных молитв вечерни (т. е. [В1]–[В7]) сопровождала свой собственный предварительный

⁶⁹ Реконструкцию чина вечерни согласно «песенному последованию» см. в работах: *Аррани*. Как молились... С. 257–303; *Hanke*. Das Kathedraloffizium... Kap. 9–10.

антифон, так что можно было бы предположить, что писец рукописи РНБ. Q. п. I. 67 или ее протографа знал об этой традиции. О том же, казалось бы, говорят и заглавия молитв [B2] и [B3]: **Ѣ** и **Г**. Однако из надписания [B4] в той же рукописи — **А мол**[итвы]: — следует, что писец не имел никакого представления об антифонах песенной вечерни и поэтому просто отождествил [B1]–[B3] с «антифонами», противопоставляя их остальным священническим молитвам вечерни: «антифоны» (= [B1]–[B3]) «молитвы» (= [B4]–[B6]).

Противопоставление первых трех молитв вечерни остальным, проведенное в РНБ. Q. п. I. 67, служит дополнительным подтверждением сделанного выше предположения о том, что на раннем этапе бытования древнерусского формуляра вечерни в нем не было молитв [B4]–[B6] и цикл начальных молитв в нем ограничивался [B1]–[B3]. Аналогичное противопоставление наблюдается и в РГАДА. Син. тип. 41, где [B1] обозначена как молитва **а соуглѣанѣя** (= «первого антифона»), [B2] и [B3] имеют порядковые номера 2 и 3, а молитвы [B4]–[B6] надписываются как молитвы **в соуглѣак** (= «во [время] антифона», вопреки ожидаемому «второй антифон»), одновременно с продолжающейся порядковой нумерацией. Кроме того, из сопоставления «согласию» сразу нескольких молитв вновь следует, что писцы наших рукописей не были знакомы с практикой «песенного последования».

Завершая раздел о вечерне древнерусских Служебников студийской эпохи, можно особо остановиться на рубриках, посвященных началу и окончанию службы, а также порядку совершения вечернего входа.

Начало вечерни описано только в самостоятельной уставной статье, сохранившейся в РНБ. Соф. 522. В самих формулярах вечерни как из этой, так и из других рукописей чин открывается непосредственно [B1]. Устав вечерни из РНБ. Соф. 522 предписывает начинать службу возгласом **блгѣвно црѣтвнн**, т. е. теми словами, которые в современной богослужбной практике открывают собой чины Божественной литургии, Крещения и Венчания, но не вечерни (если только последняя не соединена с литургией). Такое использование возгласа, впрочем, вполне соответствует практике студийской эпохи⁷⁰. Помимо возгласа, устав вечерни из РНБ. Соф. 522 упоминает также чтение или пение в начале вечерни стихиры «Царю небесный». Можно предположить, что речь идет об обычном начале, чтение которого в начале вечерни говорит о раздельном совершении 9-го часа и вечерни, что полностью соответствует студийской практике. Кроме того, указание РНБ. Соф. 522 — одно из древнейших свидетельств о включении «Царю небесный» в состав начальных молитвословий церковных служб⁷¹.

⁷⁰ Ср.: Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 1: Тулѣка. К., 1895. С. 867, 870, 872.

⁷¹ См.: Скабалланович М. Н. Толковый Типикон: Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Вып. II: [Всенощное бдение]. К., 1913. С. 23.

Вход, представляющий собой центральную часть вечерни, описан в рубриках Служебников наиболее подробно. Рукописи РНБ. Соф. 518, 522, 524, ГИМ. Щук. 745 и РГБ. Рум. 398 приводят слова священника при благословении входа: **БЛГБНО ВХОЖЕННѢ · ХА · ЇСТННЬ^{НА}ГО БА НАШЕГО ВСЕГДА...**, после чего диакон, как и в современной практике, возглашал: **ПРЕМУДР · ПРОСТН⁷²**, и начиналось пение вечернего гимна «Свете тихий». В отношении исполнения «Свете тихий» те Служебники, которые упоминают этот гимн, разделяются на две категории. В одних говорится о пении гимна диаконом, в других — народом (или хором)⁷³. После «Свете тихий» следуют диаконский возглас «Вонмем», священническое приветствие «Мир всем» и вечерний прокимен, предваряемый диаконским возгласом «Премудрость!» (см. примеч. 56–58).

В нескольких рукописях описано окончание вечерни (см. примеч. 66–68). После диаконского возгласа «Премудрость!» следовали священническое благословение **СЫН БЛГНЪ БЪ НА...** (ср. с современным: «Сый благословен Христос Бог наш...») и отпуст. Никаких сведений о содержании отпуста вечерни Служебники не приводят, однако материал чина утрени (см. ниже) показывает, что отпустом служило то же обращение священника к прихожанам, что и в позднейшей традиции: «Христос, истинный Бог наш... помилует и спасет нас...». Как и на утрене, обращение, вероятно, предварялось словами священника **БЛГБНТЕ СТНН** — во всяком случае, в РГБ. Рум. 398 эти слова выписаны вместо возгласа **СЫН БЛГНЪ**.

V. 2. Чин утрени

Чин утрени, реконструируемый на основе рубрик древнерусских Служебников, таков:

- 1) начальный возглас **БЛГБНО ЦРТВО⁷⁴**,
- 2) «псалмы обычныя»⁷⁵ (т. е., очевидно, шестопсалмие),
- 3) мирная ектения⁷⁶,
- 4) «Бог Господь»⁷⁷ и тропари⁷⁸,
- 5) кафизма⁷⁹,
- 6) пятидесятый псалом⁸⁰,

⁷² Возглас выписан в РНБ. Соф. 523; ГИМ. Щук. 745; РГБ. Рум. 398.

⁷³ Диакон (вероятно, он не пел гимн целиком, а только запевал его начальные слова): РНБ. Q. п. I. 67, Соф. 524, NYPL. Slav. 1; народ («людие»): РНБ. Соф. 523, ГИМ. Щук. 745, РГБ. Рум. 398.

⁷⁴ Указан в РНБ. Соф. 522 и РГБ. Рум. 399.

⁷⁵ РНБ. Соф. 522.

⁷⁶ Указана в РНБ. Соф. 522 и 523.

⁷⁷ Песнопение упомянуто в РНБ. Соф. 522 и 523.

⁷⁸ Указаны только в РНБ. Соф. 522.

⁷⁹ Упомянута в РНБ. Соф. 523.

⁸⁰ Упомянется в заглавии молитвы [У10] в РНБ. Q. п. I. 67, Соф. 523; NYPL. Slav. 1; ГИМ. Воскр. 8, Щук. 745 и Син. 598; РГБ. Рум. 398.

- 7) канон с малыми ектениями по 3-й, 6-й и 9-й песнях⁸¹,
- 8) хвалитные псалмы⁸² и стихирь⁸³,
- 9) великое славословие⁸⁴,
- 10) Трисвятое, «Пресвятая Троице» и «Отче наш»⁸⁵,
- 11) тропарь⁸⁶,
- 12) чтение Евангелия, если утренняя совершается в воскресенье⁸⁷,
- 13) сугубая ектения⁸⁸,
- 14) стиховные стихирь⁸⁹,
- 15) просительная ектения утрени⁹⁰,
- 16) главопреклонная молитва [ГУ], предваряемая своими обычными возгласами,
- 17) «Премудрость» и заключительный возглас утрени⁹¹,
- 18) отпуст⁹².

В отличие от рубрик чина вечерни, описывающих только один вариант последования из возможных — праздничной вечерни со входом, — рубрики утрени ряда древнерусских Служебников предусматривают два варианта службы: «аще будет неделя» (т. е. воскресенье: рукописи РНБ. Соф. 518, 523, Q. п. I. 67; РГАДА. Син. тип. 41; в РГБ. Рогож. 566 это указание трансформировалось в рубрику «аще по Евангелии») и если случится другой день.

⁸¹ Упомянуты в РНБ. Соф. 522 и 523. В РНБ. Соф. 523 с тремя малыми ектениями соотнесены молитвы [У4], [У7] и [У12] соответственно, а [У10] и [У11], вопреки заглавиям этих молитв, упоминающим пятидесятый и хвалитные псалмы, помещены между указаниями о 6-й и 9-й песнях канона.

⁸² Упомянуты в заглавии молитвы [У11] в ЯМЗ. 15472; РНБ. Соф. 523; NYPL. Slav. 1; ГИМ. Воскр. 8, Щук. 745, Син. 598; РГБ. Рум. 398.

⁸³ Упомянуты только в уставе утрени в РНБ. Соф. 522.

⁸⁴ Упомянуто в уставе утрени в РНБ. Соф. 522, а также в заглавии молитвы [У12] в РНБ. Соф. 518, Q. п. I. 67 и О. п. I. 4 + WAM. W. 548; ЯМЗ. 15472; NYPL. Slav. 1; ГИМ. Воскр. 8, Щук. 745, Син. 598; РГБ. Рум. 398 и 399; РГАДА. Син. тип. 41.

⁸⁵ Трисвятое и «прочее» упомянуты в РНБ. Q. п. I. 67; возглас молитвы Господней «Отче наш» — в этой же рукописи, а также в РНБ. Соф. 518 и 523; РГБ. Рум. 398; РГАДА. Син. тип. 41.

⁸⁶ Упомянут в РНБ. Соф. 518 и Q. п. I. 67; РГБ. Рум. 398.

⁸⁷ Указание о чтении Евангелия содержится в РНБ. Соф. 518, 523, Q. п. I. 67; РГАДА. Син. тип. 41; РГБ. Рогож. 566.

⁸⁸ Упомянута в РНБ. Соф. 518, 522, 523, 524, Q. п. I. 67; ГИМ. Щук. 745; РГБ. Рум. 398 и 399, Рогож. 566; РГАДА. Син. тип. 41. В ГИМ. Син. 598 сугубая ектения указана после главопреклонной молитвы [ГУ].

⁸⁹ Упомянуты в РГБ. Рум. 398.

⁹⁰ Указана в РНБ. Соф. 518 и 523, Q. п. I. 67; NYPL. Slav. 1; ГИМ. Син. 598, Воскр. 8; РГБ. Рум. 399. В рукописи РНБ. Соф. 524 указан только священнический возглас, а в ГИМ. Щук. 745 и РГБ. Рум. 398, наоборот, — только диаконское «Премудрость».

⁹¹ Указаны в РНБ. Соф. 518, 522, 523, 524, 526, Q. п. I. 67; NYPL. Slav. 1; ГИМ. Щук. 745, Син. 598; РГБ. Рум. 398 и 399, Рогож. 566; РГАДА. Син. тип. 41.

⁹² Описан в РНБ. Соф. 522 и 523; NYPL. Slav. 1; РГБ. Рум. 398; ГИМ. Щук. 745. В РНБ. Соф. 518 упомянута «мол[итва] отпости».

Описанный в Служебниках чин утрени не в воскресный день, без чтения Евангелия, соответствует будничной утрени по Типиконам студийской традиции (и вседневной утрени согласно позднему Иерусалимскому уставу). Можно обратить внимание лишь на одну деталь: даже на утрени без чтения Евангелия сугубая ектения в РНБ. Соф. 523 и РГБ. Рум. 398 упомянута до просительной ектении и стиховных стихир, а не в самом конце службы, как следовало бы ожидать; впрочем, в ГИМ. Син. 598 сугубая ектения поставлена на свое обычное место в конце последования. Поскольку указания РНБ. Соф. 523 и РГБ. Рум. 398 о сугубой ектении вседневной утрени даются сразу после рубрики о сугубой ектении утрени воскресной, можно предположить, что их задачей было описать различия в тексте этой ектении в зависимости от наличия Евангелия (а именно, при наличии Евангелия ектения должна была начинаться со слов «Рцем вси», а при его отсутствии — со слов «Помилуй нас, Боже»), а не поставить ектению на несвойственное ей в чине вседневной утрени место. Других ярких особенностей описанный в Служебниках чин вседневной утрени не содержит; можно отметить только зафиксированную в РНБ. Соф. 523 попытку распределить молитвы утрени по всему последованию⁹³, не получившую распространения (поскольку в других Служебниках она не отражена) и не вполне удачную, так что молитвы [У10], [У11] и [У12] оказались на явно не подходящих для них позициях (см. примеч. 81)⁹⁴.

Значительно больший интерес представляют указания Служебников о порядке совершения воскресной утрени, когда на этой службе читается Евангелие⁹⁵. Ни одна из пяти рукописей, описывающих такой порядок (см. примеч. 87), не предполагает, что Евангелие может быть прочитано до канона утрени (что соответствовало бы Студийско-Алексиевскому Типикону, ряду других уставов студийской традиции и практике византийских монастырей в целом) или по 6-й песни канона (что засвидетельствовано в некоторых редакциях Студийско-Алексиевского Типикона и, шире, в соборно-приходской практике Константинополя⁹⁶). Чтение Евангелия неизменно указывается в конце службы, после тропаря и перед сугубой и просительной ектениями. Такое расположение Евангелия соответствует порядку утрени «песенного последования», однако было бы неверным полагать вслед за прот. М. Лисицыным, что эта особенность чина утрени «говорит нам за существование у нас Устава Великой Церкви»⁹⁷.

⁹³ См.: Лисицын М., прот. Первоначальный славяно-русский Типикон: историко-литургическое исследование. СПб., 1911. С. 41–42, примеч. 11.

⁹⁴ О различных попытках распределить молитвы кафедрального Евхология по чину монастырской утрени, встречающихся в греческих рукописях, см.: Арранц. Как молились... С. 104–114.

⁹⁵ Первым обратил внимание на эти указания прот. М. Лисицын: Лисицын. Первоначальный славяно-русский Типикон... С. 41–42.

⁹⁶ См.: Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 188, 207–208.

⁹⁷ Лисицын. Первоначальный славяно-русский Типикон... С. 43.

Как и в случае с вечерней, комплекс священнических молитв утрени в древнерусских Служебниках непригоден для совершения богослужения согласно «песенному последованию» по ряду причин. Во-первых, в нем отсутствуют необходимые для этого молитвы оглашенных и верных⁹⁸. Во-вторых, описанный в Служебниках чин — это ни в коем случае не песенная утренняя, но согласное с монастырскими Часословами последование, содержащее такие элементы, как канон, стихиры, кафизма. В-третьих, можно вновь обратить внимание на незнакомство писцов рукописей с практикой совершения служб согласно «песенному последованию», что видно из некорректного использования наименования «молитва отпуста», древнего заглавия молитвы [У12], в РНБ. Соф. 518 и ГИМ. Шук. 745, где это наименование еще сохраняется в конце формулы утрени, но [У12] уже переставлена выше по последованию и получила заглавие, невозможное для «песенного последования» $\overset{\wedge}{\text{М}}\overset{\wedge}{\text{О}} \cdot \overset{\wedge}{\text{Е}}\overset{\wedge}{\text{Г}}\overset{\wedge}{\text{Д}}\overset{\wedge}{\text{А}}$ $\overset{\wedge}{\text{П}}\overset{\wedge}{\text{О}}\overset{\wedge}{\text{Ю}} \cdot \overset{\wedge}{\text{С}}\overset{\wedge}{\text{Л}}\overset{\wedge}{\text{А}}$ («молитва, когда поют Слава [в вышних Богу = великое славословие]»); в свою очередь, в чине песенной утрени великое славословие не сопровождалось молитвой⁹⁹.

Поэтому указания древнерусских Служебников о чтении Евангелия в конце воскресной утрени говорят не о бытовании на Руси «песенного последования» как такового, а о том, что древнерусские памятники следуют некой самостоятельной литургической традиции, в которой состоялся синтез элементов монастырского и кафедрального богослужения Византии, причем результатом этого синтеза стал несколько иной чин в сравнении с приходской практикой самого Константинополя. Это могла быть традиция какого-либо другого церковного центра — например, Фессалоники. Свт. Симеон Фессалоникийский († 1421), следующим образом описывает чин воскресной утрени, совершавшейся в соборном храме его города¹⁰⁰: начальный возглас «Благословенно Царство»; мирная ектения; обычные псалмы 3, 62 и 133; непорочны (17-я кафизма) с малыми ектениями; Песнь трех отроков; псалом 50; гимнографический канон и экспостиларии; хвалитные псалмы и стихиры; великое славословие; тропарь; прокимен и чтение Евангелия; утренняя завершается сугубой и просительной ектениями, главопреклонением и отпустом¹⁰¹. Нетрудно заметить близкое сходство между описаниями воскресной утрени у свт. Симеона и в древнерусских Служебниках.

Примечательно, что указания древнерусских Служебников о чтении Евангелия в конце воскресной утрени противоречат предписаниям как Студийско-Алексиевского устава, так и древнерусских студийских Часо-

⁹⁸ См.: *Аррани*, Как молились... С. 66–67.

⁹⁹ См.: *Аррани*, Как молились... С. 91–99.

¹⁰⁰ Свт. Симеон называет ее «песенной утреней», но в действительности описываемый им чин представляет собой синтез элементов древнего кафедрального и монастырского последований.

¹⁰¹ PG. 155. Col. 636–649. См. также: *Аррани*, Как молились... С. 115–118.

слов¹⁰². Из этого можно было бы сделать вывод о том, что рубрики Служебников не отражают реальную литургическую практику Древней Руси. Но ряд фактов свидетельствует об обратном: прежде всего, практика чтения Евангелия в конце воскресной утрени была хорошо известна на Руси и после отказа от Студийского устава — в XV–XVII веках, в эпоху господства Иерусалимского устава¹⁰³; далее, в самих Служебниках соответствующая рубрика встречается достаточно часто и неизменно говорит об одном и том же; наконец, чин воскресной утрени с чтением Евангелия в конце службы засвидетельствован, помимо Служебников, еще в одной группе древнерусских литургических памятников — «студийских богослужебных сборниках» (другого специального названия у этих памятников нет). В одном из них, БАН. Арх. ком. 171 + ИРЛИ. Кар. 476, устав чтения Евангелия в конце воскресной утрени описан достаточно подробно¹⁰⁴, еще в семи других устав не описан, но предполагается тот же порядок службы¹⁰⁵.

Выявленное нами соответствие между Служебниками и «студийскими богослужебными сборниками» заставляет по-новому взглянуть на последние. Содержащиеся в них указания (особенно в отношении служб суточного круга) по целому ряду параметров отличаются от рубрик Студийско-Алексиевского устава и студийских Часословов. Это заставляло исследователей предположить, что «студийские богослужебные сборники» отражают не нормативные практики кафедральных соборов или общежительных монастырей, а своеобразные традиции древнерусского «келлиотского» богослужения¹⁰⁶. Но согласие сборников с ключевой литургической книгой — Служебником — скорее указывает на то, что именно «студийские богослужебные сборники» отражают древнерусскую литургическую норму до XIV в. включительно. Можно предположить, что комплекс литургических книг, состоящий из Служебника и «студийского богослужебного сборника», появился на Руси раньше, чем были сделаны переводы Студийско-Алексиевского устава и студийского Часослова, а некоторые из особенностей богослужения согласно этому комплексу — в частности, чтение Евангелия в конце воскресной утрени —

¹⁰² См.: *Слива Е. Э.* Услышим св. Евангелия... (Некоторые особенности утренней службы по двум пергаменным рукописям XV в.: БАН, собр. Археографической комиссии, № 171 и ИРЛИ, Карельское собр., № 476) // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология.* СПб., 1999. С. 136–147, здесь: с. 141.

¹⁰³ См.: *Лисицын.* Первоначальный славяно-русский Типикон... С. 38–40, примеч. 10 (ср.: *Успенский Н. Д.* Труды по литургике. Том 1: Православная вечерня. Чин всенощного бдения. М., 2004. С. 348–353).

¹⁰⁴ См.: *Слива.* Услышим... С. 144–146.

¹⁰⁵ См.: *Шугаев.* Древнерусские богослужебные сборники... С. 100–101. Довольно большое число рукописей, предполагающих чтение Евангелия в конце воскресной утрени, включая Служебники, опровергает тезис Е. Э. Сливы об уникальности содержащегося в БАН. Арх. ком. 171 + ИРЛИ. Кар. 476 свидетельства (*Слива.* Услышим... С. 144).

¹⁰⁶ См.: *Шугаев.* Древнерусские богослужебные сборники... С. 159–166.

укоренились в русской литургической традиции настолько прочно, что сохранились даже и в эпоху господства Иерусалимского устава вплоть до реформ середины — 2-й половины XVII в.

Возвращаясь к рубрикам чина утрени в древнерусских Служебниках студийской эпохи, можно обратить внимание на окончание чина. Как и вечерня, утренья завершалась возгласами диакона: «Премудрость», и священника: **СЪИН БАГЪНЪ**, после чего происходил отпуст. В РНБ. Соф. 523 сохранилось указание, что перед отпуском священник произносил: **БАГЪИТЕ СЪИИ**, а народ или сослужащие отвечали: **ГЪН БАГЪН ѠУЕ**. Те же слова священника упомянуты в ГИМ. Щук. 745. В NYPL. Slav. 1 приведена первая строка отпуста: **ХЪСЪ ИСТИИНЫИ БЪ НАШЪ МАТВЪАМИ СЪИИ БЪЦА ПЪН** ∴ — текст, совпадающий с используемым в позднейшей практике. Начальные слова отпуста также процитированы в РГБ. Рум. 398 и в уставе утрени в РНБ. Соф. 522 (в последнем случае — с прибавлением слов о Кресте, как при службе в среду или пятницу).

* * *

Подводя итоги нашего исследования, можно сделать следующие выводы. Во-первых, материал древнерусских Служебников не дает достаточных оснований для того, чтобы допустить возможность бытования на Руси «песенного последования». Гипотеза о том, что после Крещения Руси богослужение древнерусских кафедральных соборов было устроено по образцу «песенного последования», достаточно часто встречается в литературе. Попытка обосновать ее была предпринята в исследовании прот. М. Лисицына¹⁰⁷, возражавшего Е. Е. Голубинскому. Последний полагал, что не только монастырское, но и приходское, и кафедральное богослужение Древней Руси (для последнего Голубинский допускал возможность отдельных исключений) изначально следовало монастырскому уставу¹⁰⁸. Несостоятельность аргументации прот. Лисицына уже давно была продемонстрирована М. Н. Скабаллановичем¹⁰⁹ и И. А. Карабиновым¹¹⁰; наше исследование лишь показывает, что древнейшие русские

¹⁰⁷ Лисицын. Первоначальный славяно-русский Типикон... С. 3–160. Еще более радикальную гипотезу выдвинул прот. Б. Чифлянов, заявивший, что полный круг литургических текстов для совершения богослужения по уставу «песенного последования» на славянский язык перевели никто иные, как свв. Кирилл и Мефодий (Чифлянов Б. Богослужения чин, переведен от св. братья Кирил и Мефодий в начало на тяхната моравска мисия. Фессалоника, 1994. (Ανάλεκτα Βλατάδων; 31)). В своей книге прот. Чифлянов приводит большое количество различных богослужебных текстов по позднейшим рукописям и печатным изданиям — но ни одного твердого факта в поддержку своей теории.

¹⁰⁸ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1904. Т. 1, ч. 2. С. 368–371.

¹⁰⁹ Скабалланович М. Н. Несколько поправок к книге о. прот. М. Лисицына «Первоначальный славяно-русский Типикон, СПб., 1911 г.» (Рецензия и результаты коллоквиума). К., 1912 [отдельный оттиск из журнала «Труды Киевской Духовной Академии»].

¹¹⁰ Отзыв о труде протоиерея М. Лисицына «Первоначальный славяно-русский Типикон...», СПб., 1911, составленный И. А. Карабиновым // Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Императорской Академией наук: Отчеты за 1912 г. Пг., 1916. С. 312–368.

богослужебные книги не позволяют совершать богослужение согласно «песненному последованию», что подтверждает правильность позиции Е. Е. Голубинского.

Резюмируя сказанное выше, вновь укажем факты, доказывающие несовместимость материала Служебников с «песненным последованием»: во-первых, в рукописях отсутствует ряд необходимых для совершения песенных служб текстов — молитвы малых часов, молитвы центральных антифонов вечерни и вечерние и утренние молитвы оглашенных и верных¹¹¹; во-вторых, молитвы вечерни и утрени в Служебниках не только лишены большинства своих древних заглавий, происходящих из кафедрального константинопольского Евхология (а смысл отдельных сохранившихся заглавий был явно непонятен для писцов Служебников), но и дополнены рубриками, содержание которых соответствует палестинскому Часослову и византийским монастырским Типиконам, но не «песненному последованию».

Отсутствие на Руси «песенного последования» как цельной литургической системы не исключало того, что ее отдельные элементы могли проникать в древнерусскую богослужебную традицию. Примерами такого проникновения являются, в частности, практика чтения Евангелия в конце воскресной утрени, совершение песенной вечерни в навечерие Воздвижения и некоторые другие праздники¹¹² и наличие в целом ряде Служебников цикла молитв панихис — службы, не имевшейся в палестинском Часослове, но хорошо известной в традиции «песенного последования»¹¹³. При этом даже указанные примеры говорят, скорее всего, не о непосредственном влиянии «песенного последования» на древнерусское богослужение, а о том, что в основе последнего лежала традиция некоего византийского церковного центра, где произошел синтез монастырского богослужения и константинопольской кафедральной практики (а также отдельных элементов неконстантинопольского происхождения — см. примеч. 7). Так, выше мы уже отметили, что древнерусский чин воскресной утрени с гимнографическим каноном, но чтением

¹¹¹ С другой стороны, в рукописях ГИМ. Син. 675 и 900 упомянутые молитвы присутствуют, но эти два сборника рубежа XIV–XV вв., как уже было отмечено выше, скопированы один с другого, имеют уникальный состав и не отражают реальную литургическую практику Древней Руси, засвидетельствованную в десятках других рукописей. Судя по тому, что палеографические особенности ГИМ. Син. 675 указывают на сербский протограф, полный корпус молитв суточного богослужения согласно древнему константинопольскому Евхологию стал известен на Руси через посредство южных славян только к концу XIV в., но и после этого большого распространения не получил (хотя иногда священнические молитвы малых часов и иные и встречаются в отдельных позднейших рукописях — но не как регулярный элемент богослужения, а на случай, «аще кто произволяет прилежай подвигу»: РГБ. МДА. Фунд. 183, XVI в. Л. 38).

¹¹² См.: *Пентковский*. Типикон патриарха Алексия Студита... С. 190–191.

¹¹³ Впрочем, этот цикл, как мы рассчитываем показать в специально посвященной ему публикации, в Древней Руси употреблялся в рамках не песенной панихис, а иной службы.

Евангелия в конце службы, находит параллель в описании свт. Симеона Солунского. Практика совершения песенной вечерни в некоторые особые дни года, включая Воздвижение, также засвидетельствована в фессалоникийских источниках¹¹⁴. Поэтому вполне вероятно, что в основе древнерусского богослужения лежит практика древней Фессалоники — или какого-либо иного греческого церковного центра к западу от Константинополя, — вместе со всеми ее особенностями, среди которых могли быть и элементы «песенного последования». Можно также осторожно предположить, что ядро этой практики пришло на Русь в виде двух базовых литургических коллекций, которые известны нам как древнерусский Служебник и «студийский богослужебный сборник».

Еще одно наше предположение основано на проделанном выше анализе состава корпуса священнических молитв вечерни, утрени и панихис и состоит в том, что этот корпус на Руси в студийскую эпоху время от времени претерпевал определенные изменения. В частности, где-то до конца XIII в. он включал в себя семь молитв вечерни (последней из которых была [В7]), четыре молитвы панихис и восемь молитв утрени. На рубеже XIII–XIV корпус молитв вечерни и утрени был дополнен до десяти и двенадцати молитв соответственно, молитва [В7]¹¹⁵ была перемещена, а панихис стала утрачивать связь с вечерней и утреней. Тогда же или несколько позже в чины вечерни и утрени была также включена молитва [ПМ], а панихис окончательно отделилась от цикла служб суточного цикла и была дополнена заупокойным последованием. В конце XIV — начале XV века старый корпус священнических молитв суточных служб был вытеснен новыми переводами, рассмотрение которых выходит за рамки настоящей статьи.

¹¹⁴ См.: *Lingas A. Festal Cathedral Vespers in Late Byzantium // ОСП. 1997. Vol. 63. P. 421–448.*

¹¹⁵ По аналогии можно предположить, что подобное перемещение претерпела и молитва [У12], как и [В7], изначально служившая «молитвой отпуста»; впрочем, кроме расположения древнего заглавия [У12] в РНБ. Соф. 518 в конце формуляра утрени, подтверждения этому в сохранившихся рукописях нет.